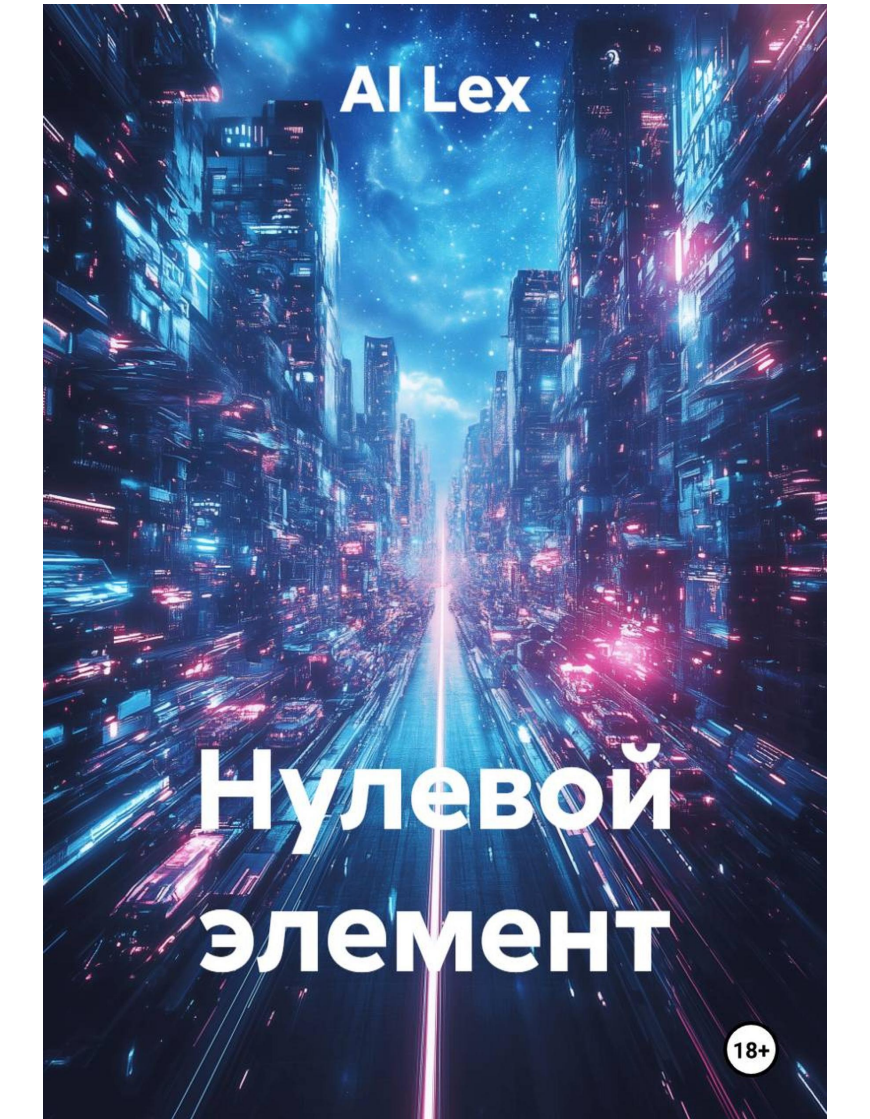

AI Lex

Нулевой элемент

18+

AI Lex

Нулевой элемент

<https://litres.ru/73989799>

SelfPub; 2026

Аннотация

На Земле я был Сергеем Вороновым — лучшим архитектором-реставратором аварийных объектов, знавшим о трещинах в бетоне всё. Но многотонная стена старого депо оборвала мою жизнь. Я очнулся в теле семнадцатилетнего Себастьяна, младшего наследника разоренного алхимического Дома Верди в жестоком механическом мире. Мой новый отец казнен, мастерская арестована за долги, а сам я — изгой без капли магии в крови. Палачи заперли меня в подвале со смертоносным ртутным паром, чтобы закрыть дело Дома Верди. Они просчитались. У меня есть земной опыт и внезапный дар — видеть скрытые изъяны вещей и силовые векторы нагрузок. Любая идеальная конструкция, доспех или чужое заклинание сотканы из дефектов. И я найду их все, чтобы выжить в Нижнем Улье и вернуть имя отца. Смета на утилизацию моих врагов уже составлена и утверждена.

Содержание

Глава 1 Геометрия излома	4
Глава 2 Смета на утилизацию	15
Глава 3 Точка опоры	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

AI Lex

Нулевой элемент

Глава 1 Геометрия излома

В свои сорок два года Сергей Николаевич Воронов знал о трещинах всё. Коллеги-строители за глаза называли его «хирургом бетона». Там, где другие реставраторы предлагали сносить здание под чистую, Воронов брал маркер, рисовал на несущей стене пару стрелок и говорил: «Укрепите здесь под углом в тридцать градусов, и этот сталинский ампир простоит ещё век». Он чувствовал металл, дерево и камень так, словно сам состоял из строительных смесей и арматуры. Именно эта профессиональная гордость его и погубила.

На тридцать втором объекте — заброшенном депо семнадцатого века, которое крупный инвестор требовал перестроить под элитный торговый центр — технадзор совершил преступную халатность. Они подписали акты, проигнорировав гнилые опорные балки фундамента. Сергей приехал на объект лично, чтобы ткнуть руководство носом в их смертельную ошибку. Он стоял в полуподвальном помещении, когда сверху раздался глухой, зловещий скрежет. Секундный рас-

чёт в уме показал: нагрузка на левое крыло превысила критическую отметку.

— Назад! Быстро все отсюда! Бегом! — отрывисто командовал Сергей рабочим, на удивление чётко и хладнокровно координируя эвакуацию.

Сам он уйти не успел. Столетняя кирпичная кладка, потеряв опору, рухнула вниз сплошной многотонной стеной. Последнее, что запомнил Сергей перед тем, как его накрыла абсолютная тьма, — это оглушительный грохот ломающихся деревянных балок, скрежет крошащегося камня и собственная яростная мысль: «Я же говорил этим идиотам...»

Боль не была внезапной. Она накатывала послойно, точно старая штукатурка под ударами отбойного молотка. Сначала вернулся слух: тяжёлый, мерный гул, от которого вибрировали зубы, и свистящее, надрывное шипение, словно где-то рядом травил повреждённый клапан высокого давления. Затем в ноздри ударил резкий, до слёз едкий запах тухлых яиц, смешанный с кисловатым привкусом раскалённого металла.

Сергей попытался вздохнуть, но грудную клетку словно стянули стальным обручем.

«Всё-таки рухнуло — автоматически пронеслось в голове. — На тридцать втором объекте рухнули перекрытия. Я же говорил этим идиотам из технадзора, что несущие балки прогнили насквозь»

Он открыл глаза, ожидая увидеть бетонную крошку, брезент спасателей или, на худой конец, белый потолок реани-

мации. Вместо этого перед взором поплыли грязно-серые, покрытые жирной копотью каменные своды. Воздух вокруг дрожал от жара.

Сергей попробовал поднять руку, чтобы стереть со лба заливающий глаза пот, но раздался тяжёлый, отчётливый металлический лязг. Руки не двигались. Они были разведены в стороны и намертво прикованы толстыми, грубо откованными цепями к массивным железным кольцам, вбитым прямо в каменную кладку стены.

— Что за — голос подвёл. Вместо привычного баса сорокалетнего мужчины из горла вырвался хриплый, ломающийся юношеский фальцет.

Он резко дёрнулся вперёд. Тело было чужим. Слишком лёгким, непривычно худым, без намёка на былую мышечную массу. Рёбра отчётливо проступали под грязной, прожжённой в нескольких местах рубахой из грубого полотна.

«Что за бред? Где мои руки? Где мои часы, шрам на запястье?!» — паника ледяной иглой вонзилась в мозг. Сергей попытался закричать, но из горла вылетело лишь сипение. Это были не его пальцы. На руках не было привычных мозолей от чертёжных ручек, кожа казалась слишком бледной, почти прозрачной.

Мысли путались, налетая одна на другую: «Какая реанимация... Меня что, заживо закопали? Нет, это какая-то тюрьма. Чья-то шутка? Конкуренты? Да нет, бред, за такое сажают. Господи, да я — это не я! Как я могу весить килограммов

пятьдесят, если во мне под сотню было?! Я с ума сошёл. У меня галлюцинации от удара плитой...»

Он судорожно завертел головой, пытаясь нащупать глазами хоть что-то знакомое, какую-то зацепку из своего мира, но взгляд упёрся в центр комнаты.

Прямо перед ним, в трёх метрах, на массивном чугунном треножнике стоял глубокий чан. Внутри него бурлила, перекатываясь тяжёлыми ленивыми волнами, густая серебристая жидкость.

«Ртуть!» — вспышкой обожгло сознание Сергея, и этот технический факт на секунду выбил из него экзистенциальный ужас, сменив его чистым инстинктом самосохранения.

Над поверхностью чана поднимался едва заметный, полупрозрачный зеленоватый пар. При каждом вздохе этот ядовитый туман обжигал лёгкие, заставляя внутренности гореть огнём.

«Ртутные пары. Замкнутое пространство. Вентиляция заблокирована», — мозг Сергея, привыкший за двадцать лет работы архитектором-реставратором мгновенно оценивать аварийные ситуации, выдал сухой анализ быстрее, чем успела разгореться новая волна паники. При такой концентрации до отёка лёгких и необратимого разрушения нервной системы оставалось от силы минут пятнадцать.

Его целенаправленно и методично убивали. Причём оставив всё как несчастный случай на производстве.

Внезапно в затылке словно взорвалась ручная граната.

Чужие, рваные воспоминания хлынули в сознание, перемешиваясь с его собственными мыслями, как цементный раствор в миксере.

Его теперь зовут не Сергей. Его имя — Себастьян. Семнадцать лет. Младший сын некогда уважаемого, но ныне разорённого и преданного анафеме алхимического Дома Верди. Его отец, глава Дома, обвинён в государственной измене за порчу ртутных резервуаров Шестого Улья и казнён. Сам Себастьян — «нулёвка», человек с абсолютно чистой кровью, не способный напрямую управлять Живым Металлом, главной силой этого безумного мира. И сейчас он находился в фамильной плавильной мастерской, которую за долги уже конфисковал Комитет Кредиторов.

«Значит, решили избавиться от последнего наследника, чтобы закрыть дело? — прохрипел Себастьян, сглатывая горькую слюну. — Рационально. По-деловому».

Но умирать во второй раз Сергей-Себастьян не собирался. Циничный прагматизм, помогавший ему выживать в жерновах строительного бизнеса земного мегаполиса, взял верх над страхом перед неизведанным.

Он заставил себя успокоиться и внимательно осмотреть кандалы. Железо. Толщина звеньев — примерно полтора сантиметра. Ключа нет. Силой такое не разорвать даже взрослому атлету, а в этом недокормленном теле и подавно.

«Каждое строение, каждый замок, каждый болт имеет свою точку излома, — вспомнил Себастьян своё главное

профессиональное правило. — Идеальных конструкций не существует. Везде есть дефект».

Он отчаянно отказывался верить собственным глазам. Разум бунтовал, требуя немедленного пробуждения. Чтобы прийти в сознание и вырваться из этого кошмара, Сергей судорожно замотал головой, попытался зажмуриться и изо всей силы шлёпал себя плечом по лицу, надеясь, что хлёсткая физическая встряска вернёт его в привычную постель. Он до крови прикусил изнутри собственную губу, но острая, абсолютно реальная боль лишь подтвердила: это не сон. Всё происходило наяву.

Понимая, что с ума он не сошёл, Сергей-Себастьян пристально вгляделся в массивное кольцо, крепившее левую цепь к стене. И тут его зрение странно изменилось.

Пространство вокруг потеряло краски, став серо-стальным, но вместо привычной темноты подвалов перед глазами развернулась колоссальная, объёмная голограмма. Себастьян судорожно выдохнул — его разум буквально бомбардировало массивом визуальной информации. Это не было обычным зрением. Вся комната, каждый булыжник и каждое звено цепи разложились на чистую геометрию. Воздух прорезали идеально ровные оси координат, а плотные предметы превратились в полупрозрачные трёхмерные каркасы, состоящие из тысяч переплетённых полигонов, векторов и линий напряжения.

Каменная кладка покрылась жёсткой сеткой распределе-

ния веса, где каждый стык был обозначен математическим вектором силы, давящей вниз. Чугунные кандалы и вовсе предстали перед ним в виде сложной, динамической геометрической схемы — как на профессиональном чертеже в разрезе, только прямо в воздухе. Себастьян отчётливо видел толщину металла, его кристаллическую решётку и то, как деформируются молекулярные связи под натяжением цепи. Рядом с кольцами вспыхивали призрачные математические символы и значения углов, обозначающие распределение крутящего момента. Мозг архитектора мгновенно узнал эту картину: это был идеальный, абсолютный расчёт нагрузок, который в его родном мире могли выдать только мощнейшие суперкомпьютеры для моделирования катастроф. И вся эта живая матрица сейчас транслировалась напрямую в его мозг.

Себастьян затаил дыхание, боясь шевельнуться и разрушить эту невероятную геометрическую иллюзию. На стыке левого кольца и вбитого в стену штыря одна из силовых линий судорожно подёргивалась, окрашенная в тревожный тёмно-красный цвет.

«Каверна, — понял архитектор. — При отливке штыря внутри остался пузырьёк воздуха. Внутренний дефект литья. Внутреннее напряжение металла в этой точке критическое. Если приложить усилие под правильным углом»

Он не знал, откуда у него взялась эта способность — видеть скрытые изъяны вещей. Возможно, это был отголосок его земного опыта, многократно усиленный какими-то мест-

ными законами магии. Но раздумывать было некогда: зеленоватый туман от чана со ртутью уже подобрался к его ногам.

Себастьян перенес весь вес своего худого тела на левую руку. Он не стал дёргать цепь со всей силы — это лишь распределило бы нагрузку по всей длине звеньев. Вместо этого он упёрся ногами в шероховатую стену, выгнул спину и резко, коротким импульсом крутанул запястье влево и вверх, создавая крутящий момент ровно под углом сорок пять градусов к дефектной точке.

Раздался сухой, звонкий щелчок, похожий на выстрел строительного пистолета.

Тяжёлый штырь лопнул ровно пополам в месте скрытой каверны. Левая рука вместе с куском цепи свободно упала вниз. Себастьян едва не покатился по полу, удерживаемый правой цепью, но вовремя поймал равновесие.

— Сопромат работает в любых мирах, — оскалился он, чувствуя, как по подбородку течёт струйка крови из прокушенной от напряжения губы.

С правой цепью дело пошло быстрее. Освобождённой левой рукой, используя обломок железного штыря как рычаг, он вклинил его в зазор между звеньями правых кандалов. Себастьян отчётливо видел красную линию напряжения на третьем звене. Один точный, выверенный нажим, использующий массу его тела как противовес, — и второе кольцо со звоном разлетелось на две части.

Он был свободен. Но радоваться было рано. Воздух в ма-

стерской стал настолько плотным, что перед глазами плыли радужные круги. Каждый вдох давался с огромным трудом. На полу вокруг бурлящего чана уже начали конденсироваться мелкие, подвижные шарики ртути.

Себастьян бросился к массивной дубовой двери, обитой металлическими полосами. Он дёрнул за ручку — заперто снаружи. На засов.

— Разумеется, — пробормотал он, кашляя. — Кто же оставляет смертника в открытой комнате.

Он прижался ухом к двери. За дверью было тихо. Значит, палачи либо ушли, уверенные в исходе, либо дежурят чуть дальше по коридору. Пробивать дуб плечом бессмысленно — дверь толстая, посажена в глубокий каменный паз.

Себастьян сфокусировал зрение на дверном проёме. Пространство снова разложилось на чертёжные линии. Дверь была установлена на совесть, но вот сама каменная кладка вокруг косяка...

«Строили наспех. Раствор между камнями пересушен, в нём слишком мало связующего элемента. Известняк крошится под весом верхних перекрытий», — Себастьян увидел, как над верхней петлёй двери сходились три массивных вектора нагрузки. Вся эта часть стены держалась буквально на одном замковом камне трапециевидной формы. Если его выбить, нарушится баланс сил, и верхняя петля просто вывалится вместе с куском стены.

Себастьян подобрал с пола обломок штыря. Действовать

нужно было ювелирно. Ошибётся на пару сантиметров — и тяжёлые камни просто погребут его под собой.

Он прицелился и со всей силы вогнал острый конец штыря в крошащийся шов прямо под замковым камнем. Раствор брызнул серой пылью. Себастьян ударил ещё раз, расширяя зазор, а затем всем телом навалился на импровизированный лом, используя его как клиновидный рычаг.

Камни над его головой утробно заскрежетали. Векторы сил в его зрении бешено замигали, перекрашиваясь из жёлтого в пунцовый.

— Ну же, падай! — рывкнул Себастьян.

Сверху посыпалась мелкая крошка. Наконец, замковый камень с глухим стуком вывалился из своего гнезда. Тотчас же вся конструкция над правой стороной двери просела. Массивная верхняя петля, потеряв опору, с мясом вырвалась из раздавленного известняка. Тяжёлая дубовая дверь перекосилась, затрещала и под собственной тяжестью рухнула вперёд, открывая проход в тёмный, прохладный коридор.

Себастьян вывалился наружу, жадно, до боли в лёгких глотая чистый воздух, в котором не было смертоносного ртутного привкуса. Он лежал на холодном каменном полу, сердце колотилось в груди как сумасшедшее.

Но перевести дух ему не дали. Из глубины коридора доносились торопливые, тяжёлые шаги. Кто-то услышал грохот упавшей двери и теперь спешил проверить, что произошло.

Себастьян быстро поднялся, сжимая в руке окровавлен-

ный кусок железа. Его новое тело дрожало от усталости, но разум был холоден и чист. Первый раунд остался за ним. Теперь предстояло выяснить, кто именно вынес ему смертный приговор, и заставить их пересчитать смету этой перестройки. За свой счёт.

Глава 2 Смета на утилизацию

Адреналин, затопивший кровеносную систему Себастьяна, действовал лучше любого земного нашатыря. Слабое, истощённое токсинами тело продолжало крупно дрожать, но разум сорокадвухлетнего кризис-менеджера Сергея Воронова уже полностью подавил панику. Прошлый строительный опыт подсказывал, что в любой аварийной ситуации выигрывает тот, кто первым успевает оценить несущую способность конструкций, предугадать направление главного удара и хладнокровно использовать дефекты окружения против самой угрозы. Паника на объекте — это всегда трупы, а Сергей умирать дважды за одни сутки не планировал.

Торопливые, тяжёлые шаги в глубине тёмного коридора приближались со стороны правого поворота. Судя по характерному шарканью подкованных подошв, металлическому побрякиванию экипировки и глухому эху, нападающих было двое. Они не таились, не выказывали ни малейшей осторожности. Они шли уверенно, как идут хозяева в собственный загон к обречённому на убой скоту, полностью убеждённые в своей безопасности и безнаказанности.

Себастьян сильнее сжал в ладони свой единственный инструмент — обломок железного штыря длиной около тридцати сантиметров. Один его конец был грубо обломан под углом, образуя подобие острого, бритвенно-острого металли-

ческого клина с рваной кромкой. Кожа на юношеских пальцах мгновенно покрылась липкой, холодной кровью из порезов, полученных при взломе кандалов, но боли он почти не чувствовал. Внутренний счётчик выживания уже запустил обратный отсчёт, а мозг прагматика лихорадочно пересчитывал скудные ресурсы.

Коридор, в который рухнула массивная дубовая дверь плавильни, представлял собой узкую полукруглую галерею, вырубленную прямо в скальной породе Нижнего Улья. Стены здесь были неровными, покрытыми слоем жирной, влажной копоты и густой сеткой наспех проложенных медных трубок, по которым со свистом и шипением циркулировал технический пар. Освещение практически отсутствовало — лишь далеко впереди, на ржавом кронштейне, сиротливо тускнел одинокий масляный фонарь с мутным, закопчённым стеклом. Под ногами хлюпала маслянистая жижа, а сверху периодически срывались тяжёлые, пахнущие химией капли конденсата.

Себастьян не стал пятиться назад, в заполненную ядовитым ртутным газом мастерскую — это означало бы добровольно загнать себя в газовую камеру. Бежать по незнакомому тёмному туннелю тоже было чистым самоубийством, ведь он не знал расположения постов стражи и ловушек. Он принял единственно верное стратегическое решение — использовать эффект неожиданности, темноту и особенности местной дефектной архитектуры.

Прямо напротив выбитого дверного проёма в стене коридора темнела неглубокая ниша, предназначенная для хранения ремонтного инвентаря или смены паровых клапанов. Туда-то герой и скользнул, стараясь не шуметь кусками цепей, всё ещё болтавшимися на его лодыжках. Он прижался спиной к холодному каменному выступу, затаил дыхание и снова сфокусировал зрение, вызывая чертёжную матрицу.

Мир мгновенно потерял свои блеклые краски, окунаясь в монохромную серость. Пространство разложилось на стальные каркасы и миллионы светящихся векторов сил. Себастьян жадно впился глазами в правый поворот туннеля. Через секунду из-за угла выкатились две объёмные человеческие фигуры, сотканные из полупрозрачных линий.

Это были крупные, плотные мужчины, чьи физические параметры значительно превосходили хлипкое, недокормленное тело Себастьяна. Но архитектора интересовали не их мышцы, сухожилия или свирепые лица. Его взгляд хирургически сканировал их экипировку, плотность материалов и траекторию движения, раскладывая нападающих на элементарные физические уязвимости.

Первый нападающий — приземистый, широкоплечий громила в грязном кожаном фартуке поверх стёганого поддоспешника — держал в правой руке массивную дубину, окованную железными обручами. Его напарник, шедший чуть позади, был повыше и похудошавее. В его руках тускло поблёскивал длинный алхимический тесак с широким лез-

вием, предназначенный для рубки тяжёлых шлангов и заготовок.

— Какого дьявола здесь произошло? — донёсся до Себастьяна хриплый, прокуренный бас первого громилы. Он остановился как вкопанный прямо перед рухнувшей дубовой дверью. — Корней, ты посмотри на это! Дверь вывалена наружу вместе с куском косяка! Она же весит под сотню фунтов! Тут словно таран поработал!

— Да быть того не может, — отозвался второй, его голос был более тонким, сиплым и нервным. — Род Верди полностью пущен под нож, пацан — чистая «нулёвка», у него в крови ртути меньше, чем в старом градуснике. Он к этой минуте должен был окочуриться и выплюнуть свои лёгкие прямо на настил. Кто мог выбить дуб? Вентиляционную шахту мы заварили снаружи лично, я сам держал стопорный клин.

— Не знаю, кто, но этого щенка внутри нет! Чан бурлит, пар идёт, а кандалы пусты! — первый громила сделал шаг вперёд, заглядывая в проём мастерской, полностью подставив свою спину и правый бок под удар из ниши.

«Предел прочности дубины — критический в районе рукояти, там глубокий косослой древесины, достаточно одного поперечного импульса. Доспех первого — сыромятная кожа, уязвимая точка на стыке плечевого шва, левая сторона ослаблена гнилой прошивкой. Напряжение конструкции туннеля — три тонны на верхний свод прямо над их головами, раствор между камнями держится на честном слове»,

— геометрическая матрица в сознании Себастьяна выдавала расчёты со скоростью пулемёта, подсвечивая слабые места врагов ярко-алыми пульсирующими точками.

Себастьян не стал колебаться ни доли секунды. В строительном бизнесе промедление стоит миллионов, здесь — стоило жизни. Он действовал так, словно руководил экстренным сносом аварийного фундамента.

Он бесшумно, точно тень, шагнул из ниши за спину широкоплечего палача. Тот услышал лёгкий шорох цепей, начал медленно разворачиваться, поднимая свою тяжёлую дубину, но траектория его движения уже была просчитана. Себастьян не обладал достаточной физической силой для прямого нокаутирующего удара, поэтому он бил исключительно по векторам максимальной уязвимости.

Обломок железного штыря, ведомый идеальным математическим расчётом, с силой вонзился точно в левый плечевой шов кожаного доспеха громилы. В ту самую точку, где прошивка нитей была полностью разъедена кислыми испарениями, а силовая линия напряжения ткани истончилась до предела. Острый кусок железа с мерзким хрустом пробил старую кожу, плотную ткань поддоспешника и вошёл глубоко в мягкие ткани сустава, разрывая связки.

Громила взвыл раненым зверем, роняя дубину. Его правая рука произвольно разжалась, и тяжёлое дерево с металлическими обручами со звоном полетело на каменный пол. Он повалился на колени, хватаясь за окровавленное

плечо.

— Тварь! Он живой! Откуда у него оружие?! — завизжал Корней, тот, что был с тесаком. От неожиданности он на мгновение растерялся, но уличный опыт взял верх. Бандит попытался сделать судорожный, размашистый выпад вперёд, целясь Себастьяну прямо в горло широким алхимическим лезвием.

Но архитектор просчитал этот шаг ещё до того, как Корней полностью распрямил локоть. На серо-стальной координатной сетке его зрения траектория движения тесака была видна как чёткая, заранее прочерченная призрачная полоса. Себастьян просто слегка качнул корпусом назад и влево, уходя с линии атаки и пропуская смертоносную сталь в паре сантиметров от своей груди.

В этот же миг его взгляд зафиксировал критическую уязвимость в самом тесаке. Оружие было грубо перекалено при кустарной ковке. В самой толще стали, прямо у основания гарды, затаилось колоссальное внутреннее напряжение — скрытая микротрещина, незаметная для человеческого глаза, но горевшая в зрении архитектора неоновым пунцовым светом.

Используя инерцию промахнувшегося и подавшегося вперёд Корнея, Себастьян перехватил обломок штыря обеими руками и наотмашь, со всей доступной силой коротко рубанул металлическим клином по обуху тесака ровно в область скрытого дефекта, прикладывая вектор силы строго перпен-

дикулярно трещине.

Раздался чистый, хрустальный звон, отразившийся от каменных сводов. Тяжёлое, широкое лезвие тесака мгновенно отломилось у самой рукояти и с грохотом покатилося по камням туннеля, высекая искры. В руках у ошеломлённого Корнея осталась лишь пустая рукоять с коротким, зазубренным обрубком стали.

— Магия Это клановая магия! Он скрывал ранг! Он мастер Живого Металла! — в панике закричал Корней, роняя бесполезную эфсу. Его лицо, бледное и перекошенное от ужаса, в тусклом свете далёкого фонаря выглядело жалко. Бандит полностью потерял волю к сопротивлению. Перед ним стоял истощённый, окровавленный парень, который голыми руками и куском ржавого лома за две секунды полностью уничтожил их экипировку и обратил в прах их превосходство.

Первый громила всё ещё стоял на коленях, прижимая левую руку к окровавленному плечу, и глухо стонал, пачкая пол чёрной маслянистой жижей. Себастьян, не теряя ни секунды на созерцание плодов своего труда, перешагнул через него, сократил дистанцию с замершим Корнеем и упёрся острым концом своего штыря прямо в мягкую выемку под его подбородком.

— Назад. К стене. Плавно, без резких движений, — хладнокровно, без единой лишней эмоции скомандовал Себастьян. Голос подвёл его лишь слегка, сорвавшись на юно-

шеский регистр, но холодный, абсолютно взрослый и безжалостный взгляд сорокадвухлетнего мужчины заставил Корнея мгновенно подчиниться. У этого парня были глаза человека, который видел сотни крушений и точно знал, как быстро ломаются человеческие жизни.

Бандит медленно, дрожа всем телом и едва не стуча зубами, попятился назад, пока его лопатки не упёрлись в холодную, покрытую копотью скалу коридора.

— Не убивай, господин Себастьян Пощадите! Мы всего лишь исполнители! Нам заплатили, мы не знали, что вы что вы из истинных! — запричитал он, вытягивая шею и не смея даже сглотнуть, чтобы не напороться на острое железо.

— Я знаю, что вы исполнители, — спокойно ответил Себастьян, слегка надавливая на штырь, так что на шее Корнея выступила маленькая, идеально круглая алая капля. — Именно поэтому ты сейчас детально, по пунктам распишешь мне всю смету этого мероприятия. Кто ваш наниматель? Кто конкретно из Комитета Кредиторов нанял вас утилизировать меня в этой плавильне? И не вздумай лгать, я по линиям напряжения в твоём теле вижу, когда ты собираешься соврать.

Корней судорожно завращал глазами, косясь на своего раненого напарника, но тот лишь хрипел на полу, истекая кровью, и не мог ничего подсказать.

— Это мастер Горн! — выпалил бандит, задыхаясь от накатившего страха. — Филипп Горн, старший ликвидатор

третьей квартальной коллегии Нижнего уровня! Это он подписал финальный ордер на конфискацию всего имущества Дома Верди за долги перед Комитетом. Он лично сказал нам, что если младший сын Верди случайно задохнётся ртутным угаром в закрытой мастерской, то Комитету не придётся выплачивать остаточную долю по закону о выморочном имуществе. Всё имущество, все патенты отца и запасы руды перейдут в личный фонд коллегии! Мы просто выполняли приказ, господин!

Себастьян мысленно зафиксировал это имя. Филипп Горн. Старший ликвидатор. Типичный теневой рейдер, чинуша в кожаных наплечниках, решивший зачистить хвосты, убрать последнего законного наследника и прикарманить остатки алхимического производства. Знакомая по прошлой земной жизни порода людей — такие часто крутились вокруг банкротных предприятий, пытаясь вывезти ценное оборудование под видом строительного мусора.

— Каков юридический статус этого здания и меня лично в данный момент в Улье? — продолжил допрос Себастьян, удерживая идеальный баланс оружия под подбородком врага. — Говори чётко, без утайки.

— Мастерская официально считается закрытой на аварийный карантин из-за порчи ртутных магистралей, — быстро, захлёбываясь словами, заговорил Корней. — Документы о твоей кончине от удушья Горн уже подготовил, их должны сдать в Главную Канцелярию Шестого Улья завтра на рас-

свете. По бумагам ты уже мёртв, понимаешь? Тебя вычеркнули из списков живых! Если тебя увидят на улицах Верхних уровней, то стража Сектора схватит тебя как беглого каторжника без документов и жетона крови! Тебя просто бросят в плавильные печи Дна!

— То есть, для внешнего мира меня уже официально не существует, — констатировал Себастьян, и на его губах появилась жёсткая, циничная ухмылка. — Замечательно. Значит, у меня полностью развязаны руки и нет нужды соблюдать ваши законы. Сколько у меня времени до того, как сюда прибудет официальная инспекция или новые хозяева из Комитета?

— До полудня следующего дня весь этот туннель перекрыт ремонтными знаками и паровыми заглушками. Никто сюда не сунется, все рабочие боятся ртутных паров как огня, — Корней умоляюще сложил руки перед грудью. — Это всё, что я знаю, клянусь Живым Металлом и святой ртутью! Отпусти меня, господин Себастьян, я уйду на самое Дно Улья, устраюсь на угольные шахты, никто и никогда не узнает, что вы выжили! Я не враг вашему Дому!

Себастьян молчал несколько секунд, анализируя полученную информацию. Его мозг, привыкший к сложным бизнес-схемам, мгновенно выстраивал новый план действий. Оставлять этих двоих на свободе и надеяться на их честное слово было бы верхом глупости и непростительным дилетантством. Как только они окажутся вне зоны его контроля,

тут же побегут к своему хозяину Филиппу Горну, чтобы спасти собственные шкуры и получить награду за информацию. С другой стороны, устраивать кровавую бойню прямо сейчас не имело практического смысла — это оставило бы слишком много следов, привлекло бы ищеек по запаху крови и заставило бы тратить драгоценную энергию слабого тела. К любой утилизации нужно подходить экономически эффективно.

— Снимай куртку, — приказал Себастьян Корнею. — Медленно. Сначала левый рукав, потом правый. Движения плавные. И выворачивай все карманы. Всё, что у тебя есть ценного, складывай на пол перед собой.

Корней послушно, как заведённый автомат, выполнил приказ, боясь сделать лишний вдох. На каменные плиты туннеля полетела плотная, относительно чистая суконная куртка серого цвета со стальными пуговицами, а следом за ней — кожаный кошель, связка тяжёлых медных ключей и небольшой складной нож с костяной ручкой.

Себастьян скосил глаза на раненого громилу на полу, который продолжал тихо хрипеть.

— Ты. Сделай то же самое. Живо, отстёгивай пояс, если не хочешь, чтобы я проверил предел прочности твоей шейной артерии этим штырём. Мне терять нечего, я по вашим бумагам уже труп.

Раненый, преодолевая сильную боль и ругаясь сквозь зубы, судорожно стянул с себя широкий кожаный пояс, на котором висел ещё один массивный кошель, и послушно швыр-

нул его к ногам юноши.

Себастьян аккуратно присел, удерживая Корнея на мушке своего ледяного взгляда, и подобрал трофеи. В кошельках глухо, весомо зазвенело. Открыв один из них, он увидел тяжёлую, крупную металлическую дробь тёмного цвета со странным маслянистым отливом. Это была местная валюта Нижнего Улья — так называемые железные «капли», имевшие хождение среди рабочих, ремесленников и мелких банд. Всего в двух кошельках оказалось около пятидесяти таких капель — отличный стартовый капитал для человека, у которого минуту назад не было ничего, кроме кандалов и ржавой стены.

— А теперь самое главное, Корней, — Себастьян уверенным движением накинул серую куртку на свои худые плечи. Она была великовата, но отлично скрывала грязную, прожжённую робу узника и придавала ему вид обычного жителя технических секторов. — Вы оба сейчас спокойно зайдёте в плавильную мастерскую. Туда, откуда я только что вышел.

Лицо Корнея моментально побледнело ещё сильнее, превратившись в маску смертного ужаса. Он повалился на колени, едва не целуя маслянистые плиты пола.

— Нет! Господин Себастьян, пощадите! Там же чистый яд! Мы задохнёмся через десять минут, лёгкие сгорят! Это верная смерть, не губите христианские души!

— Вентиляция в мастерской заблокирована снаружи, так? — спокойно спросил Себастьян, застёгивая куртку на все пу-

говицы. — Где именно вы её заварили или перекрыли?

— Прямо над дверным проёмом, в технической нише коридора Там чугунная задвижка и три стопорных болта. Мы просто заклинили рычаг железным клином, чтобы никто не смог открыть её изнутри, — быстро выговорил Корней, трясущимся пальцем указывая на потолок туннеля.

Себастьян перевёл взгляд вверх. Его геометрическое зрение мгновенно выявило замаскированный люк в каменном своде коридора, покрытый толстым слоем вековой копоти, и тяжёлый чугунный рычаг, намертво заклиненный куском ржавой арматуры. Силовые векторы чётко показывали, что вся конструкция находится под колоссальным внутренним давлением запертого горячего воздуха, шедшего из нижних вентиляционных шахт.

— Отлично. Проверим расчёты, — Себастьян подошёл к люку, прицелился и точным, выверенным ударом своего штыря выбил заклинивший рычаг по вектору противовеса, ударив строго в слабое звено фиксатора.

Раздался яростный, оглушительный свист, похожий на рёв спускающего пар локомотива. Чугунная задвижка с грохотом сдвинулась в сторону, открывая проход. Из вентиляционного отверстия мощный поток свежего, холодного воздуха, нагнетаемого гигантскими турбинами Верхних уровней, буквально ворвался в туннель, создавая сильную обратную тягу. Зеленоватый, тяжёлый ртутный пар из выбитой двери плавильни моментально потянуло вверх, в вытяжную

трубу секторов утилизации, очищая помещение мастерской за считанные секунды. Настил пола в комнате покрылся мелкой серебристой росой осевшей ртути, но сам воздух стал абсолютно безопасным для дыхания.

— Внутри вас никто не услышит, — Себастьян указал штырём на открытый, очищенный от газа проём. — Заходите. Сидите там тихо до завтрашнего полудня. Если попытаетесь высунуться раньше или поднять шум — я найду способ обрушить этот туннель вместе с вашими головами. Чертеж потолочных перекрытий этого сектора я уже изучил, поверьте, мне хватит одного точного удара по замковому камню галереи, чтобы похоронить вас здесь заживо. Смета на обрушение у меня в голове.

Бандиты, осознав, что им даруют жизнь и не собираются травить ядом, не стали искушать судьбу и проверять инженерные знания сурового юноши. Корней поспешно поднялся, помог встать раненому напарнику, который продолжал держаться за пробитое плечо, и оба ликвидатора покорно побрели внутрь плавильни, хромая и оглядываясь. Себастьян поднял с пола тяжёлую дубовую дверь, перекосил её в проёме, упёр в каменные пазы стены и с помощью своего штыря и обломков кандалов намертво заклинил дверное полотно снаружи, превратив мастерскую в надёжную импровизированную камеру заключения. Выбраться оттуда без специального инструмента или помощи извне у них не было ни единого шанса до прихода смены.

Оставшись один в холодном коридоре, Себастьян первым делом избавился от остатков цепей на ногах, которые мешали быстрому шагу. Используя найденный складной нож, кусок штыря и зрение архитектора, он за пару минут нашёл скрытые дефекты в соединительных заклёпках ножных колец, приложил точечное усилие под нужным углом и полностью снял их. Облегчение было колоссальным, словно с плеч свалилась многотонная плита. Новое тело Себастьяна, хоть и оставалось худым и слабым от голода, теперь двигалось свободно, легко и бесшумно.

Он ещё раз пересчитал добытые ресурсы, разложив их по карманам куртки: пятьдесят две железные капли, острый складной нож с костяной ручкой, прочная тёплая одежда, связка ключей от технических помещений Нижнего уровня и, самое главное, чистое время — почти сутки до того, как Филипп Горн обнаружит пропажу своих людей и начнёт задавать вопросы. Это было огромным преимуществом, которое требовалось реализовать с максимальной эффективностью.

Пора было выбираться наружу, в сам город. Себастьян развернулся и быстрым, уверенным шагом направился в противоположную от правого поворота сторону коридора, туда, откуда веял свежий, прохладный сквозняк технической вентиляции.

Через триста метров туннель закончился массивной стальной решёткой, перекрывающей выход в основной рас-

пределительный коллектор. Себастьян без труда подобрал нужный ключ из трофейной связки, провернул его в ржавом, покрытом машинной смазкой замке и толкнул тяжёлые железные прутья вперёд. Решётка со скрипом отворилась.

Перед его глазами впервые открылся истинный, циклопический масштаб мира, в который его забросила судьба.

Себастьян замер на краю металлической смотровой площадки, непроизвольно до боли в суставах вцепившись пальцами в ограждение. Увиденное поражало воображение и заставляло мозг земного инженера содрогаться от безумной смеси профессионального восторга и глубокого экзистенциального ужаса. На Земле он строил масштабные объекты, но этот мир превосходил любые фантазии футуристов.

Шестой Улей представлял собой колоссальный, уходящий в немыслимую глубину планеты и высь индустриальный кратер, построенный внутри гигантского тектонического разлома. Наш герой находился на одном из самых нижних технологических ярусов этой гигантской человеческой муравейни, где воздух казался осязаемым от копоты.

Сверху, на высоте нескольких километров, туманное небо планеты было полностью закрыто переплетением циклопических стальных ферм, многоярусных мостов и парящих подвесных платформ Верхних уровней, где в роскоши жили маго-алхимические кланы, высшие чиновники Комитета и родовая элита. Оттуда вниз, в бездну Нижних секторов, падали огромные, прорезающие вечный смог столпы ис-

кусственного электрического света, окрашивая туман в грязно-жёлтые тона.

Вокруг Себастьяна, насколько хватало глаз во все стороны гигантского колодца, кипела безумная, хаотичная и безжалостная жизнь Нижнего Улья. Мириады металлических переходов, жилых ячеек-трущоб, вырубленных прямо в отвесных скалах, и чадающих цехов лепились друг к другу слоями, как соты диких пчёл на обрыве. В воздухе стоял непрерывный, давящий на барабанные перепонки оглушительный гул, от которого вибрировал сам металл смотровой площадки: грохотали гигантские паровые поршни вентиляционных систем, где-то внизу мерно и тяжело ухали многотонные кузнечные молоты, со скрежетом вращались открытые шестерёночные передачи размером с трёхэтажный городской дом. Сверху, с промежуточных магистралей и технологических платформ, непрерывно капало тёмное, маслянистое техническое масло, заставляя металлические настилы улиц и подвесных мостов тускло блестеть, словно чешуя гигантского доисторического ящера.

Воздух здесь был плотным, горячим и перенасыщенным запахами гари, серы, дешёвой химической еды, угольного дыма и сырости подземелий. По узким подвесным мосткам, вибрирующим от вечного движения механизмов, и тёмным галереям внизу двигались тысячи людей — рабочие в серых брезентовых робах, алхимические чернорабочие с прожжёнными фартуками, мелкие торговцы суррогатами, надсмотр-

щики в кожаной броне и нищие оборванцы. Это был суровый мир пара, ржавчины и Живого Металла. Мир, где человеческая жизнь стоила дешевле фунта низкосортного угля, а реальная сила кланов измерялась исключительно объёмом подконтрольных ртутных цистерн и рангом крови.

«Колоссальная антропогенная нагрузка на несущий каркас разлома, — автоматически отметил про себя Воронов, осматривая эту безумную архитектурную мешанину через призму своего дара. — Половина этих консольных мостов и жилых подвесов держится на честном слове, старых заклёпках и чей-то грубой магии фиксации. Сталь источена коррозией, несущие балки деформированы под весом верхних ярусов. Весь этот сектор — одна сплошная аварийная зона, готовая рухнуть от одного серьёзного резонанса. Идеальное место для того, кто умеет находить скрытые дефекты и строить империи на чужих ошибках».

Себастьян глубоко вдохнул этот тяжёлый, пахнувший гарью и раскалённым металлом воздух. Остаточная слабость в теле начала постепенно отступать, сменяясь холодной, яростной инженерной уверенностью. Его лишили всего: честного имени семьи, статуса, богатства, фамильного наследия отца и даже собственного прежнего тела. Его списали со счетов, признав безобидной «нулёвкой» и безвестным трупом в запёртом подвале. Филипп Горн и Комитет Кредиторов уже праздновали лёгкую победу, деля остатки имущества Дома Верди.

Но они совершили роковую ошибку в своих расчётах. Они не знали, что в этот прогнивший, готовый рухнуть мир пришёл профессиональный реставратор аварийных объектов. Человек, который умеет лечить бетон, ломать сталь, пересчитывать сметы и находить скрытые трещины в самых прочных и незыблемых фундаментах. Любая система имеет предел прочности. И у Комитета Кредиторов он тоже есть.

— Ну что, мастер Филипп Горн и все ваши клановые инспекторы — тихо, сквозь зубы прошептал Себастьян, глядя на далёкие, сияющие чистыми электрическими огнями Верхние уровни Шестого Улья. — Давайте проверим ваш предел прочности. Смету на вашу утилизацию я утверждаю лично. Посмотрим, как ваши конструкции выдержат мой проект.

Он уверенно ступил на шаткую, мелко вибрирующую железную лестницу, ведущую со смотровой площадки вниз, к людским потокам рабочих кварталов, и растворился в вечном смоге Нижнего Улья, готовый начать свою первую и самую главную перестройку.

Глава 3 Точка опоры

Смотровая площадка дрожала под ногами, как больная лошадь, готовая рухнуть на колени. Себастьян оторвал пальцы от ржавого ограждения и шагнул на вибрирующую железную лестницу, уходящую вниз, в густое марево Нижнего Улья. Каждая ступенька мелко тряслась от ударов гигантских прессов где-то в скальных недрах. Воздух здесь был не просто влажным — он казался жирным, осязаемым, и каждый глоток оставлял на языке привкус окалины и отработанного пара.

Он спускался медленно, давая новому телу привыкнуть к свободе движений. Кандалов больше не было, но память о стальных обручах всё ещё пульсировала в лодыжках. Каждый шаг отдавался тупой болью в мышцах — итог долгого голодания и отравления ртутными парами. Себастьян мысленно провёл экспресс-оценку своего состояния: вес — килограммов пятьдесят пять при росте около ста семидесяти, жировая прослойка отсутствует, мышцы атрофированы, но координация сохранилась. «Ходячий стройматериал, а не человек», — хмыкнул он про себя. — «Но и из ржавой арматуры можно собрать несущую конструкцию, если знать, где ставить распорки».

Лестница вывела его на узкий мост, перекинутый между двумя скальными выступами. Под мостом, метрах в тридцать,

цати, бурлила тёмная жижа — смесь воды, машинного масла и, судя по характерной радужной плёнке, остатков ртути. Вокруг нависали многоярусные деревянно-металлические строения, похожие на гигантские ласточкины гнёзда. Кое-где горели тусклые фонари, кое-где свет сочился из щелей покосившихся дверей. Запах жареного лука, дешёвого табака и кислого пива перебивал техническую вонь.

Себастьян спустился на нижнюю галерею и смешался с толпой. Люди вокруг были такими же серыми, как куртка на нём: измождённые лица, руки в мозолях, потёртые роботы. Никто не смотрел друг на друга дольше секунды — здесь безразличие было главной бронёй. Он двинулся по течению, прислушиваясь к обрывкам разговоров.

— ...фильтры опять подорожали, Комитет содрал шкуру...

— ...слышал, в Седьмом секторе обрушилась шахта, тридцать человек засыпало...

— ...а Дом Верди, говорят, полностью выкупил Горн, теперь его люди хозяйничают в плавильнях...

Себастьян сжал челюсти. Имя Горна звучало так часто, словно его выжгли на каждом углу. Значит, слухи уже разошлись, и Комитет не скрывает своей победы. Это одновременно и плохо (враг силён) и хорошо (Горн самоуверен, а значит, слеп).

Он остановился у лотка с горячим бульоном, который торговал старый угольщик с выбитым зубом. За медную каплю — одну из трофейных — ему налили жидкий, но пахнущий

съестным мясом суп в глиняную кружку. Себастьян жадно выпил, чувствуя, как тепло разливается по пустому желудку. Заодно он небрежно спросил:

— Скажи, старик, где тут можно переночевать по-тихому, без бумажек? Я с рудников, документы потерял.

Угольщик покосился на него, на худые плечи, но не стал допытываться. Такие истории здесь были обыденностью.

— В «Ржавом штыре» через два квартала, — буркнул он, указывая костлявой рукой в туман. — Там хозяйка — тётка Роза, ей наплевать на жетоны, лишь бы платил. Но если начнёшь буянить — выкинет в шахту.

Себастьян кивнул и двинулся дальше, запоминая путь. Его глаза безостановочно работали: он сканировал дома, балконы, трубы, оценивая прочность креплений, угол наклона лестниц, трещины в кладке. Этот мир был колоссальной строительной ошибкой, которую можно и нужно было использовать.

«Ржавый штырь» оказался ночлежкой в бывшем техническом цеху. Внутри пахло потом и машинным маслом. Хозяйка — грузная женщина с прокуренным голосом — сдала ему угол на нарах за три капли, даже не взглянув в лицо. Себастьян лёг на жёсткое дерево, прикрыл глаза и впервые за несколько часов позволил себе расслабиться.

Но разум не отдыхал. Он перебирал факты: Филипп Горн, старший ликвидатор, контролирует имущество Верди, готовит сделку с Кроули, у него есть доступ к ртутным резерву-

арам, но он не технарь — он бюрократ. Его сила в бумагах и деньгах. Его слабость — непонимание физики процессов.

«Чтобы обрушить здание, — подумал Себастьян, — не обязательно ломать стены. Достаточно удалить один несущий документ из его папки. Или подменить чертёж. Но для этого мне нужен доступ к архивам».

Он вспомнил, что Корней упоминал Канцелярию Шестого Улья, где хранятся все инженерные планы. Попасть туда с его внешностью и без документов — задача почти нереальная. Но у него были ключи от технических помещений, а также уникальный дар, который позволял видеть скрытые каналы вентиляции и слабые места в системах безопасности.

На следующее утро он первым делом отправился на поиски старого знакомого его отца — Греты. Грета была оценщицей, женщиной с острым глазом и ещё более острым языком. Когда-то она часто бывала в доме Верди, составляла описи оборудования. Себастьян помнил, как отец уважал её за честность. Если она ещё жива и не переметнулась к врагам, она могла стать его первым якорем в этом враждебном мире.

Он нашёл её контору в третьем ярусе — небольшой закуток между складом и пивной. Над дверью висела вывеска: «Грета Фольц — оценка движимого и недвижимого имущества. Дёшево и точно». Себастьян постучал. Дверь открыла сухопарая женщина лет пятидесяти с седыми прядями в тёмных волосах и цепким взглядом. Она узнала его не сразу, но

когда он назвал имя отца и прошептал пароль, которым они обменивались при жизни главы Дома («Серая ртуть не подводит»), её лицо побелело.

— Себастьян? — прошептала она, втягивая его внутрь и захлопывая дверь. — Ты жив? Но Горн объявил тебя мёртвым, мы уже переписывали титулы...

— Я живучее, чем кажется, — сухо ответил он. — Мне нужна твоя помощь.

Грета быстро пришла в себя. Она рассказала, что Горн действительно присвоил все активы Дома, но не знает об одном скрытом резервуаре в старом фундаменте плавильни — о нём знал только глава Верди. Горн торопится продать объект на аукционе через неделю, потому что боится, что старые кредиторы предъявят права. Себастьян понял: если он сможет доказать, что объект технически опасен, аукцион отменят, а Горн потеряет доверие Комитета.

— Мне нужны чертежи, — сказал Себастьян. — Оригиналы, с пометками отца. Где они?

— В центральном архиве Канцелярии, — Грета нахмурилась. — Туда просто так не войти. Но есть один способ: завтра набирают временных техников для проверки паровых магистралей. Работа грязная, низкооплачиваемая, но с ней выдают временный пропуск. С твоими ключами и знаниями ты сможешь проникнуть в архив на пару часов.

Себастьян кивнул. Это был план.

Он провёл остаток дня за картами Улья, которые Грета

раздобыла у своих знакомых. Он запоминал расположение вентиляционных шахт, запасных выходов, технических коридоров, которыми пользовались только ремонтники. В его голове выстраивалась трёхмерная модель целого сектора — со всеми слабыми местами, узкими проходами и точками обрушения. К вечеру он настолько точно знал маршрут, что мог бы пробежать его с закрытыми глазами.

Грета принесла ему поесть — густую похлёбку с хлебом. Себастьян ел медленно, чувствуя, как силы понемногу возвращаются. Он заметил, что его дар не ограничивается только строительными конструкциями — он начал видеть скрытые дефекты в механизмах, которые окружали его в конторе. Старый пресс для бумаг скрипел и не закрывался до конца. За несколько минут Себастьян определил, что ось смещена на полтора миллиметра из-за износа втулки. Грета, наблюдая за ним, ахнула.

— Ты видишь то, чего не видят другие, — сказала она. — Как отец. Только у него это было на уровне интуиции, а у тебя — как чертёж.

— Я инженер, — коротко ответил Себастьян, не вдаваясь в подробности. — Ладно. Завтра я иду в архив.

Ночью он почти не спал. Мысли метались: что, если его узнают по приметам? Если Горн уже разослал описание? Но выхода не было. Он должен был перехватить инициативу, пока противник празднует победу. Утром он натянул на себя грязную рабочую робу, которую раздобыла Грета, и отпра-

вился к пункту набора техников.

Очередь оказалась длинной — десятки оборванцев, готовых работать за еду и жалкие две капли в день. Себастьян пропустили по предъявлению поддельной рекомендации (Грета оказалась искусной фальшивомонетчицей). Ему выдали медную бирку с номером и направили в сектор «Д-7» — тот самый, где находился архив Канцелярии.

Внутри здания было холодно и сыро. Коридоры тянулись бесконечными рядами, пахло сухими чернилами и плесенью. Его работа заключалась в том, чтобы проверять задвижки паровых вентилей и записывать показания манометров. Он делал вид, что старательно исполняет обязанности, а сам краем глаза искал дверь в архив.

Дар помогал: он видел слабые места в замках, направление движения патрулей, зазоры в вентиляционных решётках. Через два часа ему удалось отклониться от маршрута, проскользнуть в служебную лестницу и оказаться перед массивной стальной дверью с табличкой «Архив технической документации».

Замок был хитрым, но Себастьян увидел, что внутренний механизм давно не смазывался, а одна из пружин почти лопнула. Он приложил ухо, прислушался к тиканью сувальд и через минуту открыл дверь, используя только отвёртку, которую нашёл на посту.

Архив был огромен — стеллажи до потолка, папки, свёртки, катушки с микроплёнками. Он быстро нашёл раздел, по-

свящённый Дому Верди. Там лежали чертежи плавильни с пометками отца. Себастьян пробежался по ним глазами и замер: действительно, под основанием была скрытая цистерна, о которой не знал даже Горн. Она была заполнена стабилизированной ртутью — ценнейшим ресурсом, который можно было использовать как валюту или как оружие.

Он сфотографировал страницы на память — его фотографическая память, обострённая даром, позволяла запоминать мельчайшие детали, — и собрался уходить, как вдруг услышал шаги в коридоре. Сердце забилося быстрее. Он юркнул за стеллаж, затаился.

Мимо прошёл рослый охранник, лениво позвякивая связкой ключей. Он не заметил ничего подозрительного. Себастьян выждал минуту и бесшумно покинул архив, вернувшись на свой участок работы. К концу смены он получил свою плату — пять капель — и ушёл, не вызывая подозрений.

Вечером он вернулся к Грете. Она ждала его с тревогой, но увидев его лицо, облегчённо выдохнула.

— Всё, — сказал Себастьян. — У меня есть чертёж. Теперь я знаю, что у Горна не хватает информации. Через три дня я запущу слух о том, что плавильня стоит на ртутном очаге, который может прорваться. А пока я должен найти способ, как подбросить этот документ в канцелярию анонимно.

Грета предложила своих старых связей среди мелких чи-

новников — за деньги они готовы подкинуть любой лист в нужную папку. У Себастьяна было всего пятьдесят капель, но он решил рискнуть.

Ночь прошла в подготовке. Себастьян надиктовал Грете поддельный отчёт о «повышенной трещиноватости» фундамента, основанный на реальных чертежах. Технически это было правдой — старый фундамент действительно имел скрытые дефекты, которые просто не были зафиксированы в официальных бумагах Горна.

На рассвете он снова вышел на улицы Улья. Впервые за долгое время он чувствовал не просто надежду, а уверенность. У него была точка опоры — и он начинал ею пользоваться. Комитет ещё не знал, что против них работает человек, который видит мир как чертёж, а каждую проблему — как задачу на перепланировку.

Однако, когда он уже собрался направиться к конторе Греты, чтобы обсудить детали подброса, его окликнул незнакомый голос.

— Эй, парень! Ты не из мастерской Верди? — спросил тощий механик с масляным лицом, выглядывая из люка в полу. — Я видел тебя вчера у пункта набора. Ты же работал в секторе «Д-7»?

Себастьян напрягся. Его могли запомнить — и это было опасно. Но он быстро взял себя в руки и ответил спокойно:

— Работал. А что?

— Да там вчера после смены какой-то чинуша из Коми-

тета интересовался, не видел ли кто молодого парня без жетона, — механик пожал плечами. — Я подумал, может, ты и есть тот самый. Ты смахиваешь на описание.

Себастьян похолодел. Горн уже начал поиски. Времени оставалось меньше, чем он думал.

— Нет, это не я, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я здешний, из Седьмого сектора, просто на подработку пришёл.

Механик с сомнением посмотрел на него, но не стал спорить, скрылся обратно в люк.

Себастьян ускорил шаг. Теперь он понимал: его преимущество — внезапность — таяло с каждой минутой. Надо было действовать не через три дня, а сегодня. Он нашёл Грету и сказал ей:

— План меняется. Я сам подброшу отчёт в канцелярию сегодня ночью. Дай мне доступ к служебным ходам.

Грета заколебалась, но, увидев его стальной взгляд, кивнула. Она набросала ему схему обходного пути через старые паровые коллекторы, которые соединяли технические уровни с архивным крылом. Схема была рискованной — там давно никто не ходил, трубы могли прорвать, но другого выхода не было.

Себастьян изучил схему и в сумерках, когда рабочие расходились, скользнул в тёмный лаз. Он двигался бесшумно, используя дар, чтобы видеть слабые места в перекрытиях и избегать участков, готовых рухнуть. Через час он оказался

прямо за стеной архива. С помощью отвёртки и куска проволоки он вскрыл вентиляционную решётку, проник внутрь и заложил поддельный отчёт в папку с документами на имущество Верди.

Когда он выбрался обратно, ночь уже полностью опустилась на Улей. Он стоял на мосту, глядя на огни, и чувствовал, как ледяной пот стекает по спине. Теперь оставалось ждать. Завтра Канцелярия обнаружит «новые» данные, аукцион будет приостановлен, а Горн окажется под подозрением.

Но Себастьян знал: это только начало. Горн не сдастся без боя. И впереди его ждала настоящая битва — не за жизнь, а за само право существовать в этом прогнившем мире.

Он остановился на мосту, глядя вниз, на огни рабочих кварталов, и прошептал:

— Скоро, Горн. Скоро я пересчитаю все твои нагрузки. И увидишь, что будет, когда несущая стена твоей власти получит трещину.

Он развернулся и зашагал в сторону «Ржавого штыря», готовясь к новому дню — дню, когда его план начнёт приносить первые плоды. Позади остались цепи и ртутная мастерская. Впереди был Улей, полный дефектов и возможностей. И Себастьян Воронов, профессиональный реставратор, только начинал свою самую сложную перестройку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.